Визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Российскую академию государственной службы

29 декабря 2009 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации. Его Святейшество встречали ректор Академии В.К. Егоров, члены ректората, а в актовом зале общения с Предстоятелем ожидали преподаватели, аспиранты, студенты.

Патриарх ознакомился с ситуационным центром и студией дистанционного обучения и консультирования. Сотрудники академии продемонстрировали работу новейшего электронного оборудования и рассказали о возможностях его использования в образовательном процессе.

Святейший Владыка принял участие в телемостах с Северо-Западной и Волго-Вятской академиями госслужбы. Затем Святейший Патриарх Кирилл выступил перед студентами, преподавателями и приглашенными гостями на тему взаимоотношений Церкви и государства.

По завершении выступления Святейший Патриарх Кирилл ответил на вопросы слушателей.

Затем состоялась церемония подписания Соглашения о сотрудничестве между Русской православной церковью и РАГС. Под документом поставили подписи Святейший Патриарх Кирилл и ректор РАГС В.К. Егоров. Это соглашение будет служить «укреплению духовно-нравственных начал российского общества, углублению сотрудничества как в области совместного изучения и развития церковно-государственных отношений, так и в сфере образования». Основные партнеры по взаимодействию с РАГС со стороны Русской Церкви – Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Сотрудничество будет осуществляться в форме «круглых столов» и экспертных совещаний по вопросам, представляющим взаимный интерес, а также совместных научно-исследовательских, учебно-методических и образовательных программ.

В.К. Егоров торжественно объявил решение Ученого совета академии присвоить Его Святейшеству звание Почетного доктора Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации за большой личный вклад в духовное и нравственное оздоровление российского общества, самоотверженное служение идеалам добра и справедливости, активную общественную деятельность. Под аплодисменты научного сообщества Патриарху вручили диплом Почетного доктора РАГС и докторскую мантию.

Затем состоялся обмен памятными дарами. Святейший Владыка передал в библиотеку Академии 22 тома «Православной энциклопедии». В свою очередь В.К. Егоров преподнес Его Святейшеству ряд научных изданий РАГС для Синодальной библиотеки Русской православной церкви.

Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Российской академии государственной службы

Уважаемый Владимир Константинович!
Уважаемые преподаватели, сотрудники и учащиеся Российской академии государственной службы!

Благодарю вас за радушный прием в Российской академии государственной службы – одном из ведущих образовательных и научных заведений России. Только что я имел возможность посетить ситуационный и дистанционный центры, принять участие в телемосте с Петербургом и Нижним Новгородом, обменяться мнениями с коллегами. Все это производит очень хорошее впечатление. Я посещал эти стены еще в советское время – конечно, о такой оснащенности в ту пору никто не мог и мечтать.

Для совершенствования системы государственного управления очень важно, что при подготовке государственных служащих применяются новейшие информационные технологии. Это дает надежду на то, что в России вскоре появится новое поколение управленцев, способных легко ориентироваться в современных технологиях, а значит и эффективнее исполнять свои обязанности.

Однако, как все понимают, овладение современными методами управления не отменяет необходимости ясного понимания его целей и задач. С учетом роста значения религиозного измерения в жизни общества область церковно-государственных отношений становится неотъемлемым компонентом государственной политики, а значит и подготовки государственного чиновника нового поколения.

В России продолжается формирование системы церковно-государственных отношений. Прошло только 20 лет с тех пор, как в нашей стране после десятилетий государственного атеизма стали происходить коренные изменения в религиозной политике государства. И хотя главные принципы отношения государства к религии были определены в Конституции России 1993 года и в Законе «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 года, тем не менее некоторые элементы церковно-государственных отношений еще не отстроены. Кроме того, эти отношения формировались ситуационно или, как говорят иначе, контекстуально. Никаких специальных научных разработок, никаких теоретических подходов в этой области еще не было.

Вспоминаю кризисы 1991 и 1993 годов, когда Церкви нужно было реагировать на происходящее в стране. Никакой теоретической базы, никаких Основ социальной концепции Русской православной церкви не существовало; не было никаких направляющих линий. Опираться на опыт жизни в царское время было невозможно – среди церковных деятелей уже не было никого, кто был связан с тем временем. А советский период сформировал очень специфическую модель церковно-государственных отношений, которая никак не могла быть перенесена в новую Россию.

Реакция Церкви была сдержанной и, может быть, не такой динамичной, как того хотело бы наше общество, взбудораженное реформами и переменами. Нас нередко упрекали: «А почему вы не такие динамичные, как польские католики? Они поддержали “Солидарность”».

«А почему вы не хотите выступить против коммунистов?» «Почему вы не хотите обрушить свой праведный гнев на старую систему?» «Почему вы такие робкие? Вы должны занять ясную политическую и гражданскую позицию».

Трудно сказать, что было бы, если бы Русская Церковь политизировала свой подход к обществу, к народу, если бы она определила, какие политические группы являются ее единомышленниками и союзниками, а какие являются ее противниками. Во-первых, это совершенно невозможно с богословской точки зрения, поскольку не за политические взгляды Бог будет судить человека на Страшном суде. Поэтому Церковь, применяя сотериологический подход к современной политической ситуации, заняла совершенно другую позицию, о которой вы хорошо знаете: мы не вмешиваемся в политическую борьбу.

Но в то же время Церковь сочла необходимым, не поддерживая ни одну политическую силу – ни власть, ни оппозицию, – оставить за собой право обращаться к своему народу с ясным нравственным и духовным комментарием на все то, что происходит в стране. И упреки в медлительности, в неповоротливости, в консерватизме очень скоро сменились противоположными обвинениями – в попытках клерикализации общества: «Какое право имеет Церковь говорить на темы экономики? Ваше дело кадилом махать».

Церковь не переступала черты – ни тогда, когда ее обвиняли в медлительности и отсталости, ни сегодня, когда ее обвиняют в том, что она слишком активна, и ее активность кому-то кажется неким опасным вызовом для светского характера государства. Церковь не выходила из законодательного поля и не нарушала законов. И что самое главное, мы старались не нарушать своих пастырских принципов.

Но экономика и политика неотделимы от нравственного состояния личности. Вот что нам всем нужно понять: спасение человека – это не только его частная жизнь, его сокровенные мысли, его мини-социум, который обеспечивается семейными отношениями; но это и макросоциум, это страна, это вселенная. И везде человек может творить дела либо праведные, либо греховные. Современная действительность доносит до нас огромное количество информации об этих неправедных делах, совершаемых и в политике, и в экономике. Наверное, самым ярким тому примером является экономический кризис, который мы сейчас переживаем. И Церковь, не вмешиваясь в политический процесс, не поддерживая ни одну из сил в политической борьбе, оставляет за собой право на нравственную экспертизу политических программ и на нравственный комментарий к тому, что происходит сегодня в жизни нашей страны, в жизни нашего народа, будь то экономика, политика, культура, общественная мысль.

Именно так мы понимаем пастырство в XXI веке. Но это не значит, что человек с его внутренними проблемами уходит на задний план. Это не значит, что меняются какие-то приоритеты в пастырском служении. Всегда и при любых обстоятельствах в центре озабоченности Церкви – человек, человеческая личность с ее радостями, скорбями, разочарованиями, взлетами, падениями, святостью, греховностью, потому что именно для полноты жизни человека – и в его земном пути, и в вечности – Церковь совершает свое служение.

При этом хотел бы подчеркнуть: то, как сегодня формируются в России церковно-государственные отношения, имеет значение не только для нашей страны, но и для развития общественно-политических процессов в мире. Для многих аналитиков очевидно, что одной из важных проблем в современном мире является определение роли религии в общественных и международных процессах. В данном случае я имею в виду не столько проблему экстремизма, возникающего на религиозной почве, сколько роль религии в стратегиях развития личности и общества.

В недалеком прошлом именно упрощенный взгляд на человека как существо сугубо материальное и меркантильное приводил к построению античеловеческих общественных систем. Нельзя допускать новых ошибок. Современные модели общественной жизни обязательно должны учитывать духовное измерение человеческой природы, ее принципиальное значение для созидания счастья человеческой личности. Противники такого подхода всегда апеллируют к тому, что каждое явление как внутри человека, так и вне его может быть объяснено с точки зрения рациональной логики, протекания биологических процессов, развития социальных отношений, а потому ни о какой духовной сфере и речи быть не может. Но как с таких позиций объяснять феномен веры, присущей каждой личности? Как объяснить то, что в повседневной жизни человек не только руководствуется желанием удовлетворить потребности организма, но также выстраивает свое существование на основании неосязаемых идеалов добра, справедливости, счастья, которые и делают его бытие не сугубо инстинктивным, а осмысленным? Ответы могут быть даны при признании духовно-материальной природы человека. Игнорирование этого обстоятельства, зачастую выражающееся в намеренном или неосознанном подавлении одного начала другим, приводит к драматическим последствиям.

Правильный взгляд на человека и условия гармоничного развития личности делает церковно-государственные отношения одним из важнейших элементов современного общественного устройства. От того, как будет выстроена система взаимоотношений между религиозными общинами и государством, зависит успех общественного развития. Какой же должна быть эта система с точки зрения Русской православной церкви?

Свое понимание церковно-государственных отношений Русская Церковь изложила в Основах социальной концепции, принятых на юбилейном Архиерейском соборе в 2000 году. в этом документе удалось обобщить тот опыт церковно-государственных и церковно-общественных отношений, который был накоплен контекстуально, в результате реакций на вызовы, которые жизнь обращала к Церкви. Опыт был обобщен с точки зрения православного богословия, традиции Церкви, с опорой на Священное Писание и Священное Предание. И сегодня у Церкви есть очень важный вероучительный документ, который помогает ей уже системно выстраивать отношения и с государством, и с общественными институциями.

Предложенную Церковью модель отношений никак нельзя назвать клерикализмом, под которым традиционно понимается административное подчинение государства и общества церковной иерархии. Церковь предлагает государству отношения соработничества. Причем Церковь не возражает, чтобы в этом же духе строились отношения с другими традиционными религиями России в той пропорции, в которой требуется обеспечение нормальной религиозной жизни их последователей. Более того, эта модель может применяться в других странах и на международной арене при взаимодействии политических структур и религиозных общин.

Модель соработничества укоренена в нашей культуре и имеет прямую преемственность от византийского принципа симфонии мирской и духовной властей. Как известно, этот принцип опирается на духовно-телесное понимание человека. Об этом ярко написано в правовом памятнике IX века – «Эпанагоге» императора Василия I Македонянина: «Мирская власть и священство относятся между собою как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке». Как правило, при исследовании византийской модели церковно-государственных отношений обращают внимание на форму государственной власти того времени – монархию – как на основополагающий элемент этих отношений. Однако главными элементами этой системы являются другие идеи.

Прежде всего принцип симфонии постулирует разделение сфер компетенции Церкви и государства. В Западной Европе к этой идее пришли после неудачных опытов – сначала подчинения светских правителей церковной власти в католической традиции, а затем – провозглашения глав государств предстоятелями национальной христианской общины в протестантских конфессиях. До сих пор рудимент этой практики сохраняется в Англиканской церкви, главой которой является королева. В византийской модели, благодаря изначальному разделению функций двух институтов, борьба за первенство между ними должна быть исключена. Безусловно, бывали периоды, когда светские власти, желая использовать духовный фактор в качестве обоснования своей законности, обращали Церковь в механизм обслуживания своих интересов. Так было и в Византии при некоторых императорах, так было и в России в синодальный период. Но важно помнить, что практически всегда это была инициатива государей.

Нужно сказать, что идея симфонии – идея сотрудничества, диалога, разграничения сфер влияния – в идеале никогда не осуществлялась, в том числе и в Византии. В России была попытка осуществить этот идеал в средние века, но этому стремлению был положен конец в синодальную эпоху, когда император Петр I перенес на российскую почву такое явление, как западноевропейский абсолютизм. Кстати, тем, кто восхваляет реформы Петра, все-таки следует объективно оценивать деятельность этого государя. Он демонтировал все существовавшие в средневековой России системы сдержек и противовесов царской власти, он ликвидировал всякий намек на участие народа в осуществлении власти царем и сосредоточил в своих руках всю власть, в том числе власть над Церковью – по образцу протестантских государств.

Но все издержки, которыми в ходе истории были отмечены попытки реализации идеи симфонии, не должны формировать в нашем сознании негативное отношение к самой этой идее, потому что в ней заложена замечательная мысль о том, что отношения Церкви и государства должны строиться на равных началах и связующим звеном должны быть сотрудничество и диалог.

Хотел бы подчеркнуть, что в принципе симфонии заложена идея не вражды духовной и светской власти, а их сотрудничества в сферах, представляющих общий интерес. Если на Западе в эпоху модерна религия стала восприниматься как «тормоз прогресса» и «реакционная сила», то в византийской модели она представляется важной основой движения общества вперед. В данном случае религиозная мотивация общественно значимых поступков не подавляется, но, наоборот, поощряется. В прошлом Православная церковь, прежде всего, стремилась оставаться для светских структур голосом правды и со-

ветником в решении проблем социального характера, помогала правителям сообразовывать их служение с постулатами веры. И сегодня Церковь ищет сотрудничества с государством для формирования здорового духовно-нравственного климата в обществе, созидания социального мира, солидарности и взаимопомощи.

Сегодня между Церковью и различными государственными структурами, а также региональными органами власти подписано немало соглашений о взаимодействии. Более чем 15-летняя практика заключения и исполнения подобных соглашений говорит о том, что она востребована обществом и, возможно, нуждается в развитии. Противники договоров между духовной и светской властью, вольно толкуя Конституцию Российской Федерации, утверждают, что принцип светскости государства противоречит его сотрудничеству с религиозными организациями. Ни с точки зрения существующего российского законодательства, ни с позиции общественной пользы или здравого смысла подобные выводы не выдерживают никакой критики. К примеру, в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» говорится, что религиозные организации не несут функций органов государственной власти и не вмешиваются в их дела, равно как и государство не вторгается во внутреннюю жизнь религиозных общин, если те не нарушают закон. При этом в законе нет ни слова о запрете церковно-государственного сотрудничества. Поэтому ничто не мешает Церкви и государству вместе работать для блага граждан.

Очевидно, что церковно-государственное соработничество является наиболее приемлемой моделью для полноценного развития общества в целом и индивида в частности. Сложившиеся под влиянием идей Просвещения в большинстве стран мира формы государственно-конфессиональных отношений зачастую характеризуются отсутствием практического взаимодействия и полным разграничением сфер ответственности двух институтов. Мне представляется, что именно Россия вместе с другими странами Русского мира, пережив страшные годы государственного безбожия, может представить миру новые решения по организации церковно-государственных отношений, одновременно ориентирующихся на соблюдение свободы совести и обеспечение активного участия религии в общественной жизни. Думаю, что Российская академия государственной службы может сыграть важную интеллектуальную роль в этом деле.

Посещая западноевропейские страны, еще в бытность председателем Отдела внешних церковных связей, я имел возможность встречаться, в том числе, и с руководителями этих стран. С их стороны в этих беседах имплицитно присутствовало некое сожаление по поводу того, что Церковь недостаточно вовлечена в общественную жизнь. Руководитель одной европейской страны однажды сказал мне замечательные слова: «У вас исторически сложилась очень полезная для государства система. У вас есть Церковь большинства, к которой государство может обращаться в тех ситуациях, особенно кризисных, когда требуется мобилизация народа. У нас такой практики нет, так как у нас нет Церкви большинства. А имеющиеся богословские расхождения между различными религиозными и конфессиональными группами вызывают большие сомнения в их способности мобилизовать народ ».

В некоторых странах сейчас происходит очень серьезное, на мой взгляд, переосмысление роли религиозного фактора в жизни общества. В ряде западноевропейских стран растет понимание того, что не все благополучно, причем именно в сфере церковно-государственных отношений. И это, может быть, в какой-то мере обусловлено теми беспорядками, которые имели место в Западной Европе, в том числе с участием все возрастающей мусульманской общины. Совершенно очевидно, что в мусульманской цивилизации роль религиозного фактора является решающей и религия наполняет жизнь людей пассионарной силой. Современный западноевропеец, ориентированный на успех, благополучие и комфорт, такой пассионарностью не обладает. А если нет этой пассионарности, то нет и способности совершить подвиг. Как вы можете заставить такого человека отдать жизнь за Родину?

В нашем национальном мышлении, в том числе и на государственном уровне, не утрачено понимание важности воспитания человека в духе любви к Отечеству, в способности принести себя в жертву народу и своим ближним. Но если мы с вами будем последовательно осуществлять либеральные идеи не только в области экономики (здесь либерализм является важным фактором, хотя тоже не безусловным, с оговорками), но и в формировании нравственного общественного сознания, то мы на выходе будем иметь слабого человека, который не защитит ни Родину, ни своего ближнего.

После ликвидации советской системы работы государства с религиозной сферой было много дискуссий о том, как выстраивать новый механизм отношений между религиозными организациями и органами государственной власти. Сегодня в большинстве стран СНГ и Балтии государственная власть с пониманием относится к нуждам верующих Православной церкви. Отношения государства и Церкви строятся с высокой степенью взаимного доверия. Прямые рабочие контакты, установившиеся между различными государственными и церковными уч-

реждениями, способствуют быстрому и эффективному решению различных вопросов. Конечно, есть целый ряд дискуссионных тем, по которым ведется диалог, но хочется подчеркнуть, что этот процесс проходит в атмосфере взаимного уважения и постепенно приводит к принятию оптимальных решений.

Иногда этот диалог и это взаимодействие Церкви и государства критически воспринимаются сторонними наблюдателями, которые пытаются оценивать ситуацию в России исходя из собственных критериев – тех, что порождаются их собственным историческим, культурным, философским и политическим контекстом. И почему-то у нас, в том числе в нашей внешней политике, долгое время стремились доказать этим сторонним наблюдателям, что мы – «хорошие мальчики», что в целом мы живем согласно их критериям, только у нас есть отдельные недостатки. Я был свидетелем таких дипломатических раундов, когда дипломатия унизительно объясняла «судьям», применявшим к нашей ситуации свои собственные критерии, что мы такие же «хорошие», как они, что просто у них ошибочная информация, что они нас неправильно поняли. Следует категорически не допускать суда над нами на основании чужих критериев. Конечно, это не значит, что безобразия, которые происходят в нашем обществе, не должны подвергаться осуждению, в том числе с точки зрения реализации прав человека. Но критерий, рожденный в иной культурно-исторической среде, не может быть непререкаемым основанием для оценки ситуации в России.

Исходя из такого рода критериев оценивают систему церковно-государственных отношений, а потом появляются доклады Госдепартамента Соединенных Штатов или соответствующей комиссии Сената США, в которых Россия зачисляется в число стран, где нарушается религиозная свобода, где якобы есть угроза клерикализации, где имеются неравноудаленные отношения Церкви и государства. Нужно сказать, что в последнее время гораздо больше объективного появилось и в этих названных мной документах. Это связано с тем, что наши профильные церковные учреждения стали активно работать, в том числе, и с американской дипломатией. Но, кроме того, это говорит и о способности самой зарубежной дипломатии воспринимать ясные и честные сигналы, которые исходят из нашей церковной среды.

Полагаю, что разрушение в России в начале 90-х годов старых государственных ведомств по работе с религиозными организациями было оправданным, поскольку только этим путем можно было избавиться от пагубного вмешательства во внутренние дела религиозных общин. Я считаю, что возрождение такого органа было бы огромной ошибкой, потому что этот орган, особенно в условиях существующей в нашей стране коррупции, моментально превратился бы из высокопрофессионального и объективного в крайне субъективный и легко управляемый, и при этом вредоносный и для Церкви, и для государства, и для церковно-общественных отношений. Кроме того, такого рода управленческая схема привела бы и к другим негативные последствиям.

В отличие от советского времени, когда единственная структура отсекала любые возможные контакты Церкви с обществом и с государством, все замыкая на себя и из этой монополии извлекая для себя максимальные выгоды, – вместо такой монопольной системы церковно-государственных отношений, замкнутых на одну организацию, в нашей стране сегодня складывается многоуровневая система связей между государственными органами и традиционными религиями. Хотел бы особо отметить взаимодействие с Администрацией Президента, Правительством, Государственной думой, Министерством юстиции, Министерством обороны, Министерством внутренних дел и другими правоохранительными ведомствами, Министерством образования и науки, Министерством иностранных дел, Министерством культуры, а также с региональными и местными органами власти. Это соответствует как специализации различных ветвей власти и государственных подразделений, так и федеративному устройству России.

Часто в качестве проблемы, препятствующей взаимоотношениям государства с религиозными общинами, называется многоконфессиональность страны. Безусловно, в обществе присутствует множество религиозных общин. Но религиозная карта России достаточно стабильна и прогнозируема. Поэтому вполне возможно, создавая условия для реализации религиозной свободы каждого гражданина, развивать отношения с отдельными религиозными организациями пропорционально их присутствию в обществе. Я бы назвал этот процесс конкретизацией общих конституционных и законодательных положений. Без этой конкретизации принципы останутся только декларациями. Кстати, отношения между религиозными общинами и государством выстраиваются пропорционально не только в России, но и в ряде западноевропейских стран, и эта практика хорошо известна.

В странах, входящих в наше каноническое пространство, существует разнообразие правовых актов и реалий жизни, но можно говорить о постепенном формировании в них общего подхода к взаимоотношениям государства и религиозных общин. Этот подход характеризуется, прежде всего, тем, что при равенстве основных прав религиозных объединений общество избирательно оп-

ределяет уровень взаимодействия с теми или иными религиозными организациями в зависимости от давности их существования, численности, гражданской позиции, вклада в формирование общенациональной культуры. Такой подход характерен и естественен для большинства стран Европы и мира. Так, согласно данным исследования американского центра Пью, в 86% стран власти оказывают финансовую и иную помощь религиозным организациям, причем в 76% стран отдельные религиозные группы обладают преимуществом в получении такой помощи.

Однако механизм взаимодействия государства и религиозных общин не имеет сам по себе ценности без совместного сотрудничества в определенных областях общественной жизни. В Основах социальной концепции были определены приоритетные области приложения согласованных усилий государства и Церкви в делах общенационального и международного значения. Это – забота о нравственном воспитании молодежи, поддержка института семьи, противостояние наркомании, алкоголизму и другим социально опасным порокам, профилактика правонарушений, попечение о лицах, пребывающих в местах заключения, сохранение культурного наследия, преодоление национальной и религиозной нетерпимости, взаимодействие по сохранению общественного мира и согласия, препятствие возрастанию радикальных экстремистских настроений, противодействие псевдорелигиозным движениям, разрешение международных конфликтов, содействие межрелигиозному и межкультурному диалогу как в государственном, так и мировом масштабе, в том числе на площадке международных организаций. И должен сказать, это не просто перечень – по каждому из этих направлений идет огромная работа. Мне сейчас, как Патриарху, приходится читать отчеты епархиальных архиереев. Я просто поражаюсь масштабам этой работы. При всем желании невозможно описать всего того, что происходит, – настолько многоплановая и насыщенная реальными делами ведется работа.

Сегодня расширяется практика помощи государства в охране и поддержании памятников истории и культуры, используемых православными общинами. Подобная материальная и техническая помощь оказывается как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. Считаю, что нужно, наконец, снять правовые препоны перед содействием государства в поддержании и восстановлении памятников, находящихся в собственности религиозных организаций. Соответствующее поручение Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве России нуждается в скорейшем исполнении.

Стоит отметить также положительную динамику церковно-государственных отношений в формировании духовно-нравственного здоровья военнослужащих и работников правоохранительных структур. В этом году произошло значимое событие – достигнута договоренность о введении в Вооруженные силы института военного духовенства. Как показывает опыт, деятельность Церкви в данной сфере является достаточно эффективной, поскольку она привносит в военную службу не только очень сильную мотивацию, но и содействует гармонизации межличностных отношений.

В нынешнем году не менее важным событием стало введение в систему светского школьного образования предмета «Духовно-нравственная культура». Отрадно, что совместными усилиями Церкви и государства удалось в определенной степени преломить негативные настроения среди некоторых групп общественности по отношению к данному проекту. К таким позитивным решениям мы шли долго, справляясь с различными трудностями и непониманием. Нужно сказать, что в ходе дебатов постоянно передергивались факты, постоянно присутствовал некий повышенный эмоциональный накал и создавалось впечатление, что сама эта дискуссия используется для столкновения верующих с неверующими, для провокации каких-то конфликтов. Поэтому я считаю очень важным, что дискуссия практически завершена, приняты решения и начинается их реализация. В этом вопросе церковная сторона всегда стояла на той позиции, что обучение подрастающего поколения основам религиозной культуры – это не путь к клерикализации общества, как утверждали некоторые, но дорога, ведущая к его нравственному оздоровлению, к укреплению национальной и культурной идентичности нашего народа, а в конечном счете – к стабильности в обществе и государстве.

Кроме того, основополагающим подходом Церкви всегда был и остается принцип добровольности при изучении основ религиозной культуры. Может быть, не всем в аудитории известно, что именно Церковь инициировала преподавание в школах основ светской этики. Ни один представитель светского гуманизма не выступал за это открыто и активно – выступила Русская православная церковь, сознавая, что в нашем обществе есть люди нерелигиозные, которые так воспитывают своих детей. Но для того, чтобы мы имели, как говорят инженеры, на выходе целостную и нравственно ответственную личность, необходимо, чтобы все дети в школе – верующие и неверующие, православные, мусульмане, иудеи, буддисты, католики, протестанты – чтобы все они воспитывались в единой аксиологической системе.

Система ценностей должна быть общая. Мотивации

различные: для православного человека более убедительна православная мотивация, для мусульманина – мусульманская, а для неверующего человека – светская. Но движение должно быть направлено к одной цели, подобно когерентному лучу – есть такое понятие в физике. Формируя из разных потоков единый мощный энергетический поток, лазер обеспечивает на выходе когерентный луч. То же самое мы должны сделать в школе. Изначальные потоки могут быть различные – православный, мусульманский, иудейский, нерелигиозный, а на выходе мы должны иметь человека, воспитанного в единой системе ценностей, – никакой дихотомии, никакой шизофрении быть не может.

Слишком много упущено в нашем воспитательном процессе, и сегодня надо не перетягивать канат и говорить: «нет, это неправильно, что православных будут обучать православной мотивации» (а таких людей, по самым скромным подсчетам, более 70% в нашем обществе), а нужно говорить о том, что каждый человек, в соответствии с его убеждениями, должен быть вооружен нравственной мотивацией в решении проблем личной, семейной и общественной жизни.

Церковь ни в коем случае не стремится к механическому расширению своего влияния. Кстати, что такое влияние Церкви, когда Церковь дистанцировалась от политики и отказалась от участия во власти, когда у Церкви нет сегодня никаких властных рычагов? В нашей стране – по воле Божией или по человеческому греху – получилось так, что у Церкви нет никакой экономической власти, нет источников постоянного финансирования. Живем под Богом, и все наши учебные заведения, все наши университеты и школы живут настолько, насколько народ дает на это деньги. Церковь – самая безвластная структура в обществе. Единственная наша сила – это сила слова, сила веры, сила молитвы, сила убеждения. Но эту силу никто от нас, даже по закону, отнять не может. И потому наше стремление – не клерикализация общества путем внедрения основ православной культуры. Всеми своими усилиями Церковь радеет только об одном – о положительном преобразовании всех сторон жизни индивида и общества. На этом пути невозможно игнорировать важность конструктивного сотрудничества с государством. И то, что мы находим сейчас общее понимание необходимости нашего соработничества в описанных мной областях, есть безусловная ценность, свидетельствующая о верном направлении совместной работы социальных институтов в достижении идеала солидарного, бесконфликтного и процветающего общества.

Интенсивно развивается церковно-государственное соработничество и на международной арене. Здесь для совместной деятельности государства и Церкви имеются серьезные основания. Прежде всего, это касается миротворчества, ибо сама природа Церкви позволяет ей становиться неангажированной стороной в разрешении конфликтных ситуаций. Например, сегодня в поддержании и даже некотором позитивном развитии российско-грузинских отношений существенную роль играет общение Московского и Грузинского Патриархатов, которое не прерывалось ни на минуту, в том числе и во время военных действий. А недавно мы обменялись церковными послами. Нет государственных послов – будут церковные послы, ведь кто-то должен позицию Русской Церкви, а значит, и в значительной мере позицию нашего народа, представлять братскому грузинскому народу в Тбилиси. Это мы будем осуществлять через наше официальное церковное представительство.

Наднациональные институты, а также правительственные и неправительственные структуры отдельных стран проявляют интерес к религиозному видению актуальных проблем современного мира. Это связано с тем, что в большинстве случаев Церковь может внести конструктивное дополнение или же предложить альтернативное видение кризисной ситуации. Кроме того, церковный фактор помогает избегать однобокости и политической ангажированности в решении вопросов, важных для человечества. Это обстоятельство способствует диалогу религиозных организаций с представителями правительств в рамках международных организаций по вопросам построения межкультурного и межрелигиозного сосуществования. Московский Патриархат относится к числу инициаторов и активных участников такого диалога.

Говоря об участии Церкви в международных отношениях, необходимо сказать о таком полезном начинании, как рабочая группа по взаимодействию между Русской православной церковью и Министерством иностранных дел Российской Федерации, которая была создана в 2003 году. Основная цель сотрудничества в рамках этой группы заключается в выработке общих подходов к деятельности российского дипломатического ведомства и церковных структур в сферах, представляющих взаимный интерес. Среди них: положение Православия в различных регионах мира, наиболее актуальные вопросы мировой повестки дня, работа с соотечественниками, развитие диалога религиозных общин и государственных структур с международными организациями, в том числе по проблематике государственно-конфессиональных и церковно-общественных отношений в отдельных странах, традиционного и либерального подходов к обеспечению прав и свобод человека.

Тема соотечественников является одной из наиболее приоритетных в церковно-государственной повестке дня. В данном вопросе государство и Церковь имеют общее видение целей и путей их достижения. У нас существует обоюдное стремление к сохранению духовной и культурной идентичности наших братьев и сестер, проживающих за границей. Русская Церковь категорически выступает против ассимиляции наших людей, живущих в дальнем зарубежье. Но сегодня мы живем в глобализирующемся мире, в открытом пространстве, и то, что люди часто работают за границей, вступают в смешанные браки – это процесс, который невозможно остановить. И, в конце концов, вторично, где человек живет – в Москве или в Париже. Первично его отношение к Москве, к своей стране, к русскому языку, к культуре. Я думаю, что мы не должны бороться с тем, что люди избирают разные места проживания, но должны предотвращать ассимиляцию – религиозную, культурную, духовную. Одновременно нужно заботиться об интеграции этих людей в те общества, в которых они живут. Когда наши люди являются людьми второго сорта, занимают низкое социальное положение, являются предметом иронии, а иногда и несправедливого к себе отношения, это вызывает боль. Поэтому в рамках приходской работы мы сейчас оказываем юридическую и социальную поддержку наиболее незащищенным слоям наших граждан, живущих за рубежом.

В рамках этого направления взаимодействия Церкви и государства решается важная задача, заключающаяся в поддержании положительного образа России, ее истории, культуры и религии в массовом сознании западного мира и других инокультурных сообществ.

Перед российским обществом сейчас стоит множество задач, требующих быстрых и эффективных решений. Речь идет не только об экономических проблемах, но в первую очередь о проблемах духовного и мировоззренческого плана, о выборе, в конце концов, долгосрочного пути исторического развития. Наша Церковь приветствует озабоченность проблемой модернизации страны, которая была так ясно выражена Президентом. Напомню, что Церковью эта тема была поднята достаточно неожиданно для общественности еще в 2007 году, на XI Всемирном Русском народном соборе. Уже тогда было сказано, что без модернизации у России нет исторического будущего. Но для того, чтобы понять, как ее грамотно проводить, необходимо пользоваться тем историческим опытом, который у нас уже есть. Он свидетельствует о том, что довести до конца удавалось только те начинания, которые не противоречили духовно-культурному коду страны, вечным ценностям ее народа. Этот опыт говорит, что пути разрешения различных общественных или экономических проблем следует искать не только в области перераспределения ресурсов или улучшения способов управления ими, но в опоре на твердую духовно-нравственную базу, основу которой составляют традиционные религии России, в первую очередь Православие. Модернизация должна стать общим делом, осуществление которого поможет создать благополучное, мирное и справедливое общество.

Сегодня наше общество выбирает свой дальнейший исторический путь. Выбирает, может быть, на века вперед. Но следует отдавать отчет в том, что этот выбор будет иметь значение тогда, когда в основу его ляжет свободное и разумное волеизъявление большинства наших людей; когда реализация этого выбора в полной мере задействует механизмы консолидации народа, одним из которых является взаимодействие Церкви и общества. Частью такого взаимодействия может и должно стать сотрудничество Церкви и науки, Церкви и образования. Заметную роль в этом взаимодействии могут играть Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, созданные решением Священного синода 31 марта сего года, и Российская академия государственной службы. Предметом сотрудничества этих учреждений может быть совместное участие не только в научной и образовательной сферах, но и в серьезной экспертной работе по проблематике межцивилизационного, межкультурного и межрелигиозного диалога, различных геополитических проектов. Церковью осуществляется определенная работа в рамках наших двусторонних отношений с различными субъектами научного сообщества – с профильными институтами, с ведомствами, которые занимаются теоретическими разработками. Должен сказать, что не всегда уровень этих дискуссий в полной мере соответствует огромной важности тех проблем, которые нам всем нужно решать сегодня на теоретическом уровне. Поэтому Русская Церковь ищет партнеров, во взаимодействии с которыми можно будет действительно вырабатывать теоретические основы нашего общественного развития и реагировать на те вызовы времени, которые в избытке обрушиваются на современного человека. Надеюсь, что наше взаимодействие принесет зримые плоды и послужит процветанию России. Для того, чтобы развивать его, мы сегодня с Владимиром Константиновичем намереваемся подписать соглашение о сотрудничестве.

Всем вам я желаю помощи Божией в трудах на благо Отечества и поздравляю вас с наступающими Новым годом и Рождеством Христовым.